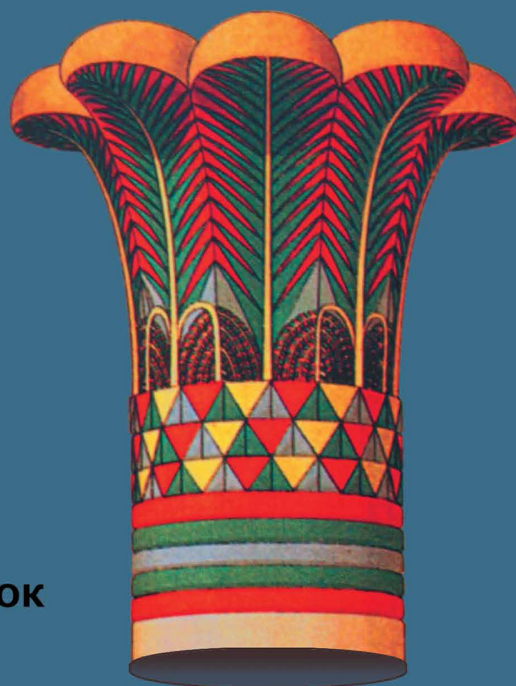

В.Н. ТКАЧЕВ, Т.В. СЕМЕШКИНА

АССОЦИАЦИИ **в архитектуре и дизайне**

**БИБЛИОТЕКА НАУЧНЫХ РАЗРАБОТОК
И ПРОЕКТОВ МГСУ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

БИБЛИОТЕКА НАУЧНЫХ РАЗРАБОТОК И ПРОЕКТОВ МГСУ

В.Н. ТКАЧЕВ, Т.В. СЕМЕШКИНА

АССОЦИАЦИИ В АРХИТЕКТУРЕ И ДИЗАЙНЕ

Москва 2011

УДК 72.01:7,012+152.92

ББК 85.11+88

Т 48

Серия основана в 2008 году

Р е ц е н з е н т ы:

доктор архитектуры, профессор *В.И. Ревякин*
Государственного университета по землеустройству;
кандидат архитектуры, профессор *М.Н. Полецук*,
заведующий кафедрой «Дизайн среды» Международного славянского института

Монография рекомендована к публикации научно-техническим советом МГСУ

Ткачев, В.Н.

Т 48 Ассоциации в архитектуре и дизайне : монография / В.Н. Ткачев, Т.В. Семешкина ; М-во образования и науки Росс. Федерации, ФГБОУ ВПО «Моск. гос. строит. ун-т». — Москва : МГСУ, 2011. — 224 с. (Библиотека научных разработок и проектов МГСУ).

ISBN 978-5-7264-0577-3

Выявлена креативная роль ассоциативного мышления в творческих процессах, связанных с архитектурой и дизайном, которые предметно, семантически и визуально формируют среду обитания. Включены доступные авторам сведения о развитии ассоциативной психологии в рамках темы, а также экскурс в историю ассоциативного мышления.

Для научных и практических работников высшего профессионального образования, архитекторов, дизайнеров, психологов, а также широкого круга читателей.

УДК 72.01:7,012+152.92

ББК 85.11+88

ВВЕДЕНИЕ

В самом общем, бытовом понимании ассоциации представляют собой установленные сознанием смысловые связи между предметами и явлениями.

Если выявленные связи интересны или жизненно необходимы, то ассоциация закладывается в память, в инстинкт, и в нужный момент реализуется как реакция на внешние события, повторившие, «сфокусировавшие» условия, вызвавшие первичную ассоциацию. Но ассоциативная связь может всплыть в памяти и как результат избирательной работы сознания над сопряженным сюжетом на основе внутреннего импульса.

Например, незачем сидеть на рельсах, слыша стук колес приближающегося поезда, ведь угроза понятна.

Покажите лимон человеку, который никогда не видел и не пробовал его на вкус. Реакция будет нулевой. Но попробуйте показать лимон музыкантам духового оркестра, уж кто-нибудь из трубачей хорошо помнит его острую кислоту, сопряженную с резким ароматом.

Ароматы, особенно еды, вообще представляют источник богатейшего спектра ассоциаций, и не только для человека. Не менее развиты ассоциативные впечатления тактильного, температурного характера. Предшествующий чувственный опыт подскажет уставшему, замерзшему путнику, что замеченный вдали огонек обещает тепло, горячий чай, уют. Может быть, правда, он и обманется потом, и огонек окажется пожаром, от которого лучше держаться подальше.

Не прикасаясь к сосульке, мы знаем из прежнего опыта, что она холодная, а совать палец в кипяток тоже не следует. Закрепленные в сознании ассоциативные связи настолько действенны как импульс физической реакции, что если человеку завязать глаза и внушить ему, что перед ним сосуд с кипящей водой, то на погруженной в «кипяток» руке могут образовываться волдыри.

Если гаитянский колдун ботор посредством черной магии совершит ритуал, накликающий смерть на соплеменника, тот неминуемо умрет, настолько сильное психологическое воздействие оказывают ассоциации, внушенные мнимым могуществом колдуна. Причем речь здесь не идет об обрядах вуду, использовавших ядовитый порошок для зомбирования людей.

Такова непростая роль ассоциаций в обыденной жизни. Фактически именно они образуют парные (чаще всего) или многозвенные выявленные связи в человеческом сознании, накапливающим и реализующим накопленный опыт восприятия и оценки среды обитания по простейшей формуле импликации: «если...то...»; скажем, запах определенного химического вещества ассоциируется с ароматом свежесдобитого хлеба, возбуждает аппетит и память о бабушкиных пирогах. Солнечному зимнему дню добавляет приятность ассоциативное ожидание теплой печки и душистого чая. А стук дождя в окно рождает ассоциации с промозглым осенним вечером и вызывает «гусиную кожу». Ассоциации, таким образом, многолики по обстоятельствам своего появления. Они образуются на основе рецепторных ощущений и во многом определяют адекватную рефлексию сознания, насыщенность психической жизни. Их источник — в любом случае внешние впечатления, но вызвать их могут как непосредственные ощущения, так сказать, явочным порядком, вроде, например, вида зарослей крапивы, сулящей ожоги, так и извлеченные из памяти сопряженные явления — вид скамьи на берегу реки способен вызвать приятное сердцебиение у юного существа, вспомнившего недавнее свидание.

Значит, ассоциации есть прямые, опосредованные, извлекаемые из ресурсов памяти, «негативные», «ложные» и другие, результирующие многообразные области деятельности сознания, ее сюжеты.

В свое время мы остановимся на их классификации, которой положено начало еще древними греками.

Определяя место ассоциаций в психической деятельности человека, правильнее всего отдать им функции механизма, приводящего в действие всю мыслительную работу. Фильтруя внешние ощущения, ассоциации накапливают впечатления в сцеплениях, имеющих рациональный и духовный интерес, они служат материалом для работы комбинаторного мышления, дающего команду на осуществление ментальных или физических акций. Они — топливо в становлении человеческого интеллекта во всем многообразии его проявления: в рациональном и трансцендентном (надсознательном) мышлении, в объективном или иллюзорном восприятии мира, в соответствии с темпераментом, в зависимости от житейских и социальных склонностей человека, от разницы в концепциях «первородства» в соотношении объективного мира и его отражения в индивидуальном сознании (что положило начало страстному противостоянию идеалистов и материалистов, сопровождающему социальные бури в истории нового времени).

Несколько опережая изложение материала по научному анализу ассоциаций как категории сознания, обозначим фазы их участия в психической деятельности человека. Они возникают спонтанно или как результат волевого выбора, усваивая и комбинируя в «пакеты» чувственные ощущения (реальные или умозрительные); сознание преобразует их во впечатления, направляя продукцию мышления в запас или мотивируя его немедленную реакцию.

Вид стального куба убедительно свидетельствует о его тяжести. Услышав рык льва в джунглях, мы не станем дожидаться его появления наяву. Равным образом свист летящей мины мгновенно подскажет пути спасения.

Известно, что максимальный объем информации о среде поступает на визуальные рецепторы, которые в ряде случаев компенсируют дефицит сведений от многих других рецепторов (контактного вида) опять же бла-

годаря ассоциативным связям. И визуальная информация является фактически исчерпывающей для творческих профессий, создающих произведения так называемого «зрительного ряда»: здания, скульптуру, живопись, дизайн, книжную графику, модные костюмы...

Инструментальное участие ассоциаций в работе творческого сознания художника (в различных ипостасях) сводится в общем к трем этапам: извлечению художественного образа (как истоки, например архитектурной формы, поэтической метафоры, волнующей мелодии); сопровождению процесса «технической» обработки ассоциативного материала (с различной степенью сохранения связи с источником, «угасания» образа); оценке произведения после его предъявления общественности — через фильтры эстетической грамотности адресата. При этом субъект действия должен располагать эстетической чувствительностью и вниманием, развитым воображением, тренированным чувством гармонии.

Ожидания художника быть понятым станут определенными только в результате его духовного резонанса с сознанием зрителя, слушателя. Параллельно могут существовать политически ангажированные, наведенные ассоциации: патетическое изображение счастливого народа при весьма сомнительной реальности.

Понимание многофункциональности ассоциаций в творчестве пришло к авторам не сразу. Проектная и педагогическая практика в области архитектуры и дизайна естественно направляла профессиональное сознание на поиск истоков художественного образа, составляющего ядро всякой проектной работы, претендующей на интерес и высокую оценку ее эстетических признаков. Было осознано, что неординарный результат может получиться с привлечением неортодоксальных образных источников, неожиданных ассоциаций и метафор. Может — но необязательно! Важно было в процессе работы проектирования не расплескать ценную идею, не умертвить замысел сухим чертежом, сохранить шарм образного

источника, поддержать первозданную ассоциацию, развить ее энергетику до финального блеска. Так был найден ключ к творческой работе, которая может рассчитывать на понимание. Вот он.

С его помощью по-новому раскрылись явления архитектуры прошлого, логика смены источников ее художественной образности, ее одежд, законы преобразования форм от натурального копирования к технической абстракции, едва сохраняющей следы родства с прообразом, течения моды в дизайне среды и костюма, ее динамическое течение и удивительную стойкость архетипов, ну хотя бы в дифференциации мужской и женской одежды, тектонических представлений — вплоть до сегодняшнего времени.

Как универсальный инструмент творческого мышления ассоциации объединяют в общей типологической сфере (как некогда архитектура — мать всех искусств) разделы творческой деятельности, формирующей пространство среды: архитектуру зданий и ландшафта, дизайн интерьеров и городской среды, дизайн костюма.

Сопоставления исторической информации дают показательные примеры корреляции строя одежды с формой и колоритом предметно-пространственной среды.

Ключ ассоциаций позволяет по-новому взглянуть на креативный потенциал, роль творческой личности в созидательной деятельности.

Развитие творческих способностей и перцептивной активности (попросту — впечатлительности) результируется высоким потенциалом ассоциативного мышления — драгоценного ресурса профессионализма архитектора и дизайнера.

И, конечно, обойти в наше беспокойное время рыночной экономики вопрос деловой пользы художественной деятельности, особенно дизайна (как формы быстрого реагирования на стихию моды), было бы неосмотрительно.

В этой области тоже важно развитое чувство ассоциации, связанное с пониманием динамики смещения потребительских интересов с существующих модных признаков на новые эстетические ориентиры, подкрепленные оригинальными техническими соблазнами. Творцы современной моды внимательно следят за процессами «утомления» от образцов предшествующего высокого спроса, провоцируют формирование блоков привлекательных ассоциаций и стремятся организовать производство новых товаров с захватом монополии на рынках их распространения.

Естественно, мы не являемся первооткрывателями феномена ассоциаций как одной из самых активных категорий психологии. Значимость ассоциаций обнаружена и озвучена Аристотелем, так что его даже считают отцом понятия «ассоциативная психология». Много внимания этой сфере деятельности сознания уделяли европейские мыслители XVII—XX вв., обогатившие науку своими оригинальными представлениями о предмете и роли ассоциаций в процессах познания, в воспитании.

Психологией творческих процессов занимаются сравнительно недавно и ассоциативное

мышление анализируется в них пунктирно, даже в работах, посвященных психологическим аспектам архитектуры [9, 10, 12, 15, 42, 172, 188].

Интерес к теме дал импульс накоплению причастного материала. Его обилие потребовало ранжировки, анализа, обобщения родственных явлений. И когда в поле наблюдения вторглись сооружения новой архитектуры, явно далекие от понятий рационального ассоциативного мышления, вызывающие негативные ассоциации, чуждые сложившимся архетипам и, казалось, неизбежным представлениям о тектонике, гармонии масс и цвета, мы поняли, что колокол тревоги ударил и потребность изложить свое видение ассоциаций как компонентов архитектурного и дизайнерского творчества стала актуальной.

Представилось целесообразным начать с истории освоения сознанием среды, ее пространственной организации, выявить логику закономерностей, следующих изгибам цивилизации и, может быть, как-то объяснить факт появления современных архитектурных форм и одежды, так вызывающе вторгшихся в жизнь общества и пространство городов, воспринимаемых большинством их обитателей как пугающие, чужие, иллюстрирующие роковое приближение апокалипсиса своими нечелове-

ческими масштабами и членениями, подминающие под себя все, что было выстроено не так уж давно, надменно возвышающиеся над памятниками архитектуры.

Утрачены привычные ассоциации меры, вкуса, их замещают новые ценности общественных воззрений. Может быть, это признаки революционных преобразований, ломки косных взглядов, принадлежащих старшему поколению, не успевающему в осознании позитива вихревых темпов жизни? Мы пока не знаем ответа на эти вопросы; попытаемся найти объективные предпосылки для ответов в процессе работы над книгой, которая планируется в целом как прошитое нитью ассоциаций изложение образных акцентов истории архитектуры и дизайна, и оценка беспокойной современности, разделенные антрактом сведений о научных исследованиях в рамках темы. Материал должен уложиться в три раздела, содержанием которых мы и намерены заинтересовать читателя.

Авторы несут равную ответственность за содержание книги, выражают признательность рецензентам и коллегам: заведующей кафедрой философии проф. Е.Г. Кривых, заведующей кафедрой психологии проф. Милорадовой, поддержавшим работу, а также Л.В. Ткачевой за помощь в подготовке книги к изданию.

РАЗДЕЛ I. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АССОЦИАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

Говоря о скачке, происшедшем при превращении гоминид в человека, П. Тейяр де Шарден писал: «Но внутри — великая революция: сознание забурлило и брызнуло в пространство сверхчувственных отношений и представлений, и в компактной простоте своих способностей оно обрело способность замечать самих себя. И все это впервые» [203, 89].

1. НА ЗАРЕ СОЗНАНИЯ

Для такого яркого события в становлении сознания древнему человеку было еще далеко, тем более до зарождения ассоциативного мышления.

Вся история накопления и закрепления сведений о внешней среде была напряженным преодолением животных инстинктов, настойчивыми попытками вырваться из сумеречного состояния разума на простор осмысленного представления о мире обитания. Природа не запасла никаких подарков человеку и путь его отчуждения от животного существования сначала к *Homo habilis*, а потом и к *Homo sapiens* пролегал через естественный отбор, адаптацию к среде и ее подчинение. Все блага нужно было завоевать, или — как в игре со сфинксом: разгадаешь загадку, получишь жизнь.

Ч. Дарвин представил достоверную картину этого процесса, ошибаясь, может быть, только в одном, в том, что выживает сильнейший, имея в виду только биологическую составляющую эволюции. Л.С. Берг в «Номогенезе» [17] противопоставил этим представлениям идею выживания слабейшего, вынужденного активнее искать способы защиты. Спасение человека, существа мягкотелого, без панциря и когтей, зависело только от развития его мышления, если угодно — духа, тренирующего ум на выработку жизненно необходимых рефлексов, материализованных все более умелыми действиями, контролируемые оценкой их полезности.

Добавим, что новорожденный человек оставался беззащитным первые дни и годы младенчества, и накопление его развивающимся сознанием представлений о мире и практических навыков не было обеспечено никакими генетическими ресурсами. Жизненный опыт индивидуума приобретался только в сообществе себе подобных, так что генезис разума и практики был исключительно общим социальным достоянием, которого лишился младенец, случайно воспитанный животными.

Естественная земная эволюция человечества представляется практически бесспорной. Почти.

Потому что до сих пор берегут сознание цивилизованного человека как архаические, так и супернаучные представления нашего происхождения тех, кто оскорблен родством с обезьяной.

Верх наивности представлен библейским мифом о создании человека по образу и подобию божию. Здесь все перевернуто с ног на голову. Ну, представьте себе эту картину: одинокий престарелый бог босой ходит по холодной небесной «тверди», сидит в кресле, которое кто-то ему должен был сделать, в одеждах, которые нужно кому-то шить и стирать, потом — проблемы гигиены, метаболизма (раз уж есть подобие!). Но — на этом настаивают догмы церкви. И этому верят! Как выразился карфагенский богослов-эмпирик III в. Тертуллиан: «Верую, ибо абсурдно!» [142].

Эсхатологические теории компилятивного происхождения предшествующих и будущих рас и цивилизаций землян относят предмет нашего интереса — развитие сознания — в такие немислимые временные дали, что даже всемирный потоп с Ноевым ковчегом покажется реальным событием вчерашнего дня. Объединив «знания» о человеке от библии до Е.П. Блаватской, по своему интерпретировавшей мистические учения Шумера, Индии и Египта,

закрепив их на канве числового ряда Фибоначчи и умело распорядившись современными гипотезами о движении палеоконтинентов Земли, биогенезе, квантовой и астрофизике, акустике, авторы сводной теории нарисовали в «Тайной доктрине» картину пульсации земных цивилизаций, в которую даже хочется верить, настолько уверенно (и логично!), с датами, размерами, географией и биопараметрами изображены все предшествующие обитатели нашей планеты.

Первыми были **саморожденные** — полубессознательные, астральные бесплотные существа ангельской формы гигантских размеров; они возникли путем коагуляции эфира под солнечным излучением; общались саморожденные телепатически, размножались почкованием (по Высоцкому!).

Вторая раса — **потом рожденные** — тоже призраки, но более плотные, золотистого цвета; они «отпочковались» от первой расы; рост их поменьше — всего 30—50 м; в одном трехглазом теле совмещались три пола: мужской, женский и средний. Их образ: нечто среднее между человеком и насекомым. Способ общения — обмен мыслями, если таковые могли быть у существ без сознания. Жили в Гиперборе. Раса погибла при планетарной катастрофе, вызванной смещением полюсов.

Третья раса — **лемурийцы** — уже имеет подсознание. Они обитали на планете Нефилим, орбита которой была расположена между орбитами Марса и Юпитера. Земля заинтересовала их как источник золота (узнаете сюжет кэмероновского «Аватара»?); Для создания работников, добывающих золото, мистическим ритуалом ими были соединены ДНК земных приматов и своя собственная. Так в 198214 г. до н.э. (!) родилась человеческая раса, первые представители которой имели рост 3—5 м. Жили на острове Гондвана. Лемурийцы имели плотное, «физическое» тело со скелетом, они общались путем передачи мыслей и жестикуляцией; лишённые разума, они беспорядочно совоплялись с различными животными, что породило множество немых чудовищ. Попытки нефилимов к генетической

регуляции привели к появлению химер — полуживотных, полулюдей. Они якобы изображены на египетских барельефах, статуях, папирусных рисунках. По-видимому лемурийцы (полулюди, полурабы) клонировались, ибо только с грешницей Евой связывают существующий способ размножения. После грехопадения Адама и Евы произошло новое смещение полюсов Земли, Гондвана затонула, а спасшиеся лемурийцы расселились на образовавшихся островах от Гавай до Пасхи. Иерархи Высших цивилизаций привили каждому лемурийцу-человеку душу. Лемурия ушла под воду, а ее уцелевшие обитатели нашли приют в Центральной Америке.

Четвертая раса — **атлантов** — была еще более плотной физически, их рост постепенно понижался с 3—4 м. Состояла из народов желтого, черного, коричневого, красного цвета кожи. Они имели высокоразвитую речь. Получив телепатическим путем знания от Единого энергоинформационного поля, владели различными технологиями и техническими знаниями: гравитационной энергией, летательными аппаратами, гипнозом, черной магией, материализацией предметов, клонировали мутантов — сфинксов, кентавров. В Атлантиде ими были построены пирамиды — около 250 тысяч лет тому назад. Войнами, непомерными амбициями атланты дискредитировали себя перед Высшей цивилизацией и были затоплены.

Пятая раса — это мы, **арийцы** — обладатели подсознания, и хорошо известных достижений и планетарных преступлений. Генофонд человечества был «улучшен» переносом на Землю с Сириуса Эхнатона и Нефертити (?!). Раса находится на излете своего существования, поскольку из-за развития технической цивилизации были разорваны связи с энергоинформационным полем Земли с безуспешными попытками компенсации искусственными энергоинформационными системами.

Шестая раса — **лучезарных** — род сверхлюдей, обладающих сверхсознанием. Эта раса уже формируется на Земле из индивидуумов, обладающих высокими моральными качествами, просветленным сознанием.

Такие дела! Из этой пространной химерической истории земных обитателей можно извлечь хотя и менее эффектную, но добротную развертку динамичного процесса становления сознания.

Отрицая земную «закваску» жизни, сторонники панспермии настаивают на заносе цианобактерий (устойчивых к космическому холоду) на Землю. Даже если это и допустить, все равно дальнейшее развитие жизни шло по сценарию Дарвина, по законам земного тяготения, агрегатных модификаций воды, клеточной репликации.

Красивая и волнующая разминка фантазии предлагает мифы о десанте на Землю обитателей погибшей цивилизации соседней галактики или космических учителей из Высшей цивилизации, присматривающих за интеллектуальным развитием землян, иногда вмешиваясь в генетический процесс, что, вообще говоря, не полагается по вселенской этике, ну разве что в исключительных, пороговых случаях.

Есть и «доказательства»: своеобразная культура Мезоамерики, изображенные на барельефах люди необычного этнического типа, гигантские чертежи плато Наска, египетские пирамиды, построенные как будто астронавтами из системы Ориона и оставленные «на связи», глухие сведения об Атлантиде, подпитываемые время от времени новыми сенсациями вроде подводных пирамид.

Наиболее удачно сопрягается с современными представлениями космофизиков о Вселенной теория о существовании параллельного мира, делящего Землю с нашей цивилизацией, но существующего в другом, сопредельном волновом диапазоне, и через «черные дыры», «черные тоннели», делающего попытки предотвратить экологическое разужение «общей» планеты. Но это уже гипотезы современных физиков, упершихся в стену перед неподдающимся испытанным ассоциативным моделям пониманием мира, и принявших за анализ эсхатологических легенд. Тейяр де Шардэн как в воду глядел, предвидя слияние науки и религии [203, 171].

От научной безысходности появляются и современные восхитительные в своей безапелляционности теории о том, что, например, человечество уже наслаждалось райской жизнью 4,5 миллиона лет тому назад, между делом совершенствуясь физически и умственно, питаясь в тропических джунглях на дармовщину и усиленно размножаясь.

Автор идеи — С.В. Соловьев, профессор НИИРАМН; напечатано в АиФ № 5, 2011 г. между прочим, не 1 апреля!

И это не конец списка.

Все-таки, если положить все экзотические теории об экспорте на Землю «готового» человека и вложении в него души на одну чашу весов, а естественную (хоть и скучную) историю цивилизации — на другую, последняя все же перевесит, хотя и очень хочется чего-нибудь новенького.

Но эта трудная дорога к достижению высот разума не менее увлекательна в своих приключениях, иногда неожиданных, но в конце-концов объяснимых, поскольку гипотезы их явления подтверждаются всегда.

Другие фантазии, не опирающие на существующие известные законы бытия, распадаются подобно крыльям Икара, склеившего их воском и взлетевшего слишком близко к Солнцу.

Это не упрек фантазии, которая относится к пионерным приемам нащупывания новых закономерностей мироздания. В конце-концов именно воображение Аристотеля, обратившего внимание на пылинки в луче света, дало начало первичному представлению о неделимых элементах мироздания. Планетарная идея Демокрита об организации макро- и микромира до сих пор не отпускает физиков-атомщиков и космистов. Гипотеза о взаимно вращающихся благодаря гравитации физических телах и частицах не всегда наблюдаема и измеряема; пределы наблюдения компенсируются опосредованностью эксперимента, не ограничивающего профессиональную фантазию в интерпретации.

И сегодня, на излете гипотез о мироздании, существующих и подвергаемых ревизии, человек снова подтверждает свое стремле-

ние выйти из затемненного состояния своего разума, обусловленного телесной природой, не предусматривающей возможностей выхода за пределы своего естества и не дающей никаких подсказок для понимания, например, бесконечности Вселенной. Нам трудно отрешиться от мысли взаимного вложения миров, как это понимал еще Нагарджуна — основатель индийской философской школы **мадхьямика** в III веке, — наблюдая буддийские ступы, вложенные одна в другую: «что снаружи, то и внутри» [186, 30, 19, 76].

Человек любознателен, обезьяна — только любопытна, и в этом разница: любопытство — это бескорыстное наблюдение без последствий, любознательность рождает размышление и мотив к действию, действие дает пищу сознанию, и эта лестница — путь развития интеллекта.

Замечательная иллюстрация этого едва ли не главного человеческого качества приводилась в прошлом веке школьными учебниками то ли естествознания, то ли астрономии. Мы нашли эту картинку и начинаем с нее иллюстрации книги (рис. 1).

Итак, человеческое сознание стартовало с нуля. В философии сознание определено как высшая, свойственная лишь человеку (?) форма **отражения** объективной действительности.

Чтобы отразить в своем мозгу и действиях внешний мир, нужно получить **ощущения**.

Ощущения воспринимаются пятью органами-рецепторами. Они имеют физический, предметный характер. Телесно, контактно воспринимаются тепло и холод, прикосновение нежное и болезненное, вкус, отчасти запах.

Дистанционно глаз получает визуальную информацию: дистанцию наблюдения объекта, его размер, фактуру, цвет, динамику. Возможности глаза определить на расстоянии некоторые качества среды, подведомственные «контактным» рецепторам, реализовались не сразу. Для этого должна была образоваться опытная связь явлений, которая закреплялась впечатлениями, формирующими ассоциации. Но без развитых рецепторов это было бы нелегко, а приписывать нашим предкам тонкость чувств

преждевременно, принимая как аксиому прогрессивную динамику совершенствования рецепторов. Неужели тело предка было капризно в отношении температурного дискомфорта, неизысканной еды, нетерпимости к боли?

Вот разве что нюх, дистанционное зрение, готовность к прыжку были обострены. То есть быстрее реализовались те рецепторы, которые были необходимы в первую очередь, и особенно зрение как обобщающее средство информации. Кроме того, существование в постоянном напряжении во враждебном мире и отсутствии надежных средств защиты воспитало в человеке то, что мы называем «шестым чувством», интуитивным ощущением опасности, звериным чутьем.

Эта интуиция, поддерживаемая страхом, чувством преследования, близкой опасности и сейчас воспитывается подсознательно жизненным опытом у людей, ведущих рискованный образ жизни.

Именно шестое чувство стало впоследствии ведущим мотивом для обеспечения психологического комфорта в искусственных сооружениях, жилой среде, феодальных дворцах средствами пространственной организации: толстыми стенами, извилистым лабиринтом доступа, прочными воротами, устрашающими изображениями. С другой стороны, древний человек искал и магические средства защиты, выбирая себе «покровителей» в животном и растительном мире, назначая себе в прародители журавлей и орлов, волков, медведей, оленей, рыб и тюленей и идентифицируясь с ними, подражая им в образе и поведении. Тотемическим изображениям покровителей посвящали различные ритуальные действия, не смущаясь тем, что живых аналогов тотема убивали и съедали.

Создание такой, виртуальной (выражаясь современным языком) защиты, актуализированной в идолах и ритуалах, снимало в некоторой степени напряженность страха, выступало, по выражению К.Г. Юнга, «своеобразным буфером, защищающим человека от собственного бессознательного, поскольку

Рис. 1. Что там, за небесной твердью?

облачает его в символическую, доступную и безопасную для психики человека форму» [146, 389].

Практика предоверения внешним мистическим силам обстоятельств своего бытия освобождала первобытного человека от выяснения причин внешних явлений, соединяя напрямую источники и результат действия, воспринимая как неизбежную данность бедствие и благополучие. Пока наш предок не научился сопоставлять события и предметы, замечать их сходство, поляризовать понятия о вещах, то есть, уяснять себе их **дихотомию** (плохое—хорошее, большое—маленькое), он не был способен к ассоциативному мышлению, а следовательно, к прогрессу сознания.

Откуда нам это известно? Только переход от собирательства, полной зависимости от «даров природы» к производительному труду поколебал рабскую беззащитность и обозначил замену аниматизма камней и деревьев почти антропоморфными покровителями.

Современный исследователь хорошо освоил различные модели логического мышления и, опираясь на изучение древних артефактов, вполне способен методом исторического погружения реконструировать процесс развития сознания первобытных людей. Работы выдающихся психологов прошлого и современности, посвященные этой теме, являются, в сущности, гипотезами людей с хорошим воображением. Таковы труды Л. Леви-Брюля, З. Фрейда, К.Г. Юнга, Дж. Фрэйзера, К. Леви-Стросса, А. ван Геннепа, Л.Я. Штернберга, А.Н. Леонтьева, В.Н. Ивановского [40, 67, 94, 97, 195, 215].

Часто изложение мысли одних служило поводом для появления оппозиционного мнения других.

Дорегигиозное сознание первобытного человека опиралось на мнимую, но расцениваемую как вполне полезную поддержку «своих» духов.

По Л.Я. Штернбергу (1861—1927 гг.), изучавшему быт и верования сибирских народов

конца XIX — начала XX вв., процесс оживотворения окружающего мира состоял из трех стадий:

- очеловечивания природы;
- открытия духов, что повлекло одухотворение, природы;
- открытие души, что несколько отличается от общепринятой последовательности эволюции сознания от **аниматизма** природы к ее **анимизации** — обретению души, близкой человеческой [146, 365].

Дж.Фрэйзер (1854—1941 гг.), рассматривая стадии интеллектуального развития человечества, на первое место ставил магию, изначально имевшую амбивалентную природу, так сказать, «добро и зло приемля равнодушно» [146, 364].

Понимание мира через сопоставление бинарных оппозиций приписывают первобытному человеку и К. Леви-Стросс, полагавший, что на этой основе наш предок научился впоследствии соединять в ассоциативные цепи даже весьма далекие друг от друга понятия [146, 370].

Л. Леви-Брюль посвятил несколько работ первобытному мышлению, определяя его как пралогическое. В этот период складываются весьма важные составляющие человеческого сознания, на которых полезно остановиться подробнее.

Л. Леви-Брюль акцентирует внимание на том, что первобытное мышление принимает исключительно мистическое объяснение бытия, соединяя без выяснения логических связей причину и результат явления, не смущаясь отсутствием доказательств их взаимозависимости. Болезнь и смерть сородича могут связать с настойчивыми ночными криками лесной птицы (у выпи, кстати, леденящий душу хохот), удачную охоту — с появлением накануне на небе облака в форме зверя, на которого собрались охотиться.

Притом первобытное сознание складывалось и развивалось как коллективный феномен. Его различные проявления: отношение к соплеменникам, чувства уважения, страха,

сакрального почтения — кристаллизовались в некие символические константы, послужившие основой социальной этики, стереотипов эпохи, стереотипов поведения в ответ на различные ситуации — природные и общественные, а также художественных образов.

В фразе «изучение коллективных представлений и их связей и сочетаний в низших обществах сможет, несомненно, пролить некоторый свет на генезис наших категорий и наших логических принципов» [94, 133] Л. Леви-Брюль остановился буквально в шаге перед определением **архетипа**, понятием, подробно рассмотренным К.Г. Юнгом и важным для нашей работы в том смысле, что архетип как подсознательный катализатор работы мышления есть продукт и индикатор активности ассоциативных связей [215, 289].

Недифференцированное мышление древних, то есть не накопленный еще опыт различать явления и предметы по их параметрам и свойствам (вредности-полезности) не давали оснований компоновать точные ассоциативные связи. Они были либо приблизительны, либо вообще ложны.

К тому же — это еще один феномен первобытного мышления, доживший и до нашего времени — примитивные сопоставления, в том числе и себя с окружающими миром (как его части или отдельно от него) приводили к идентификации не только с тотемами, как показано выше, но и с изображениями — рисованными или объемными. Причем это не локальное явление. В Северной Америке, Китае, на Ближнем Востоке считалось, что изображение отнимало душу у живого оригинала, а то и жизнь. Этот психологический атавизм сохранился в исламе, хотя духовные иерархи мусульман объясняют запрет изображать живые существа, в том числе в архитектурном декоре и на иконах, тем, что эти изображения могут быть истолкованы как объекты поклонения, между тем поклоняться можно только Аллаху [146, 306].

Магическая ассоциативная связь человека и его изображения, более того, человека

и его тени, стала сюжетом впечатляющих ритуалов дистанционного умерщвления человека посредством «убийства» изображающей его куклы.

Средневековые монголы делали тряпачные куклы — онгоны — в качестве личных хранителей и очень заботились о них. Л. Леви-Брюль подчеркивает, что для древнего человека не существует разграничительной линии между реальным и вымышленным ассоциативными мирами как в реальных восприятиях, так и в сновидениях.

Расшифровка медиумами сновидений, а также камлания шаманов, видений экстрасенсов и бормотания «блаженных» пользуется высокой степенью доверия как знак изъяснения воли высших мистических сил. Собственный реальный опыт накопления индивидуальных знаний отводится на второй план, тормозится к тому же табуированностью стереотипов коллективного разума, которые по Леви-Брюлю «не являются продуктом интеллектуальной обработки в собственном смысле этого слова» [94, 139].

Аберрация (несходимость) между действительными связями явлений и объектов среды и представлениями о них еще долго будет сохраняться.

Но все-таки, если воспользоваться изложенной выше классификацией рас цивилизации Земли, первобытный человек развил свой уровень сознания не ниже лемурийского, то есть до подсознания.

Его рецепторы, дающие пищу развитию интеллекта, еще не развиты, мышление синкретично, представления о мире неадекватны и рождают ложные ассоциативные связи относительно понятий, и потому мотивация его поступков еще не получила поддержки в виде логики здравого смысла. В итоге: развитие сознания пошло по двум переплетающимся направлениям — религиозному, основанному на вере в догматы, и реалистичному, основанному на достоверности эксперимента.

Более поздние этапы становления человеческого сознания охватывают работы американки С. Лансер, окрестившей челове-

ка «символическим животным» (перерабатывающим эмпирику чувственных данных в символы), П. Бойера, внесшего в обсуждение мысль о том, что нелепые идеи закрепляются в человеческом сознании намного прочнее, чем идеи логичные, но тривиальные [146,378] — это во многом объясняет силу эмоционального воздействия «контрастных» ассоциаций — базовых для абсурдных метафор — **оксюморонов**. Сюда же примыкает теория когнитивного диссонанса американского психолога Л. Фестингера, по-своему поясняющая «тертуллианов» комплекс: вера сопротивляется противоречащей ей рациональной информации, знает ее справедливость, но игнорирует ее [146,407]. Позднее мы рассмотрим этот феномен в главе, затрагивающей религиозные ассоциации.

Первобытный человек осваивал мир не только тренируя психику на выработку форм культового поведения. Основным занятием все же оставалось реальное освоение предметного мира, постепенное осознание его полезных и опасных признаков, освоение конструктивных качеств материалов в попытках заменить не слишком удобные и немногочисленные пещерные укрытия на искусственные сооружения, обеспечивающие психологический и физиологический комфорт.

Но в завершение темы подчеркнем факт достижения человеческим сознанием выхода из сумеречной зоны незащитности перед силами природы, разграничения и сопоставления ощущений, уяснения для себя права выбора из предлагаемых природой ресурсов, становления ассоциативного мышления не только в простейшем бинарном варианте, но и в виде понятий, соединенных в логические цепочки: прибавление солнечных дней* таяние снегов* скоро лето* сытая комфортная жизнь!*

И подсознательный уровень мышления во все не создавал препятствий для его реального отображения в предметном мире человека.

* знак * между словами означает наличие ассоциативных связей между понятиями.

2. АССОЦИАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОСВОЕНИЯ СРЕДЫ

Физическая защита от настоящих и вымышленных опасностей обеспечивалась организацией интегрированной среды обитания, включавшей работу с природным материалом, то есть освоение тектонических закономерностей камня, глины, дерева, лиан в сооружении жилища, оград, мостов, запруд, загонов для скота, хранилищ зерна и т.д. с накоплением типологических признаков, экспериментов с выращиванием полезных растений, приручением животных (вначале помощников в охоте — собак, потом — обеспечивающих пропитание и тягловую силу), расширением функций огня, изготовлением орудий труда и оружия, «удлиняющего» руку, домашней утвари, в том числе керамики, открытием металлов, изобретением ткачества... Любое из этих занятий было результатом осмысления связи цели и способа ее реализации с привлечением знаний о материале (рис. 2).

Чтобы отлить первый медный топор, потребовалось соединить в цепь ряд последовательных догадок: найти в пепле костра медный слиток и связать его происхождение со случайно попавшим в огонь куском медной руды. Слиток оказался в меру твердым, поддающимся ковке, а при повторном расплаве мог быть отформован, например, в топор, нож, наконечник стрелы, сосуд.

Рис. 2. Полевой сверлильный станок кочевников

Подобные эксперименты с добавлением (сначала тоже неумышленным) олова придали новые прочностные качества изделиям; это уже была бронза. Устанавливая в хронологический ряд этапы «металлургической» цивилизации, нетрудно заметить, что золотой, медный, бронзовый и железный века выстроились в порядке, соответствующем техническим возможностям использования для плавки все более высоких температур. Кроме того, природа предоставила благоприятные возможности для бронзы в засушливые жаркие периоды, когда в местах залежей меди и олова случайные пожары жаркого сухого климата вызывали естественные процессы плавки и соединения расплавов. В железный век, напротив, использовалось сырье, накопленное при формировании месторождений окислов железа в реках и болотах, обильных в периоды увлажнения климата. Хронология бронзового и железного веков (XV—VII вв. до н.э. в северной Евразии) совпадает с периодами иссушения и увлажнения в этом регионе [211,309].

Сложным, но так же объяснимым естественными событиями оказался путь создания керамической посуды. Пусть не сразу, но догадка воспользоваться полезным качеством глины превращаться в относительно прочный черепок, нерастворимый водой, все же пришла в голову после первого (и многократного!) удивления, что игрушечный горшок, обожженный в костре, держит воду, что обмазанная глиной плетеная корзинка, сгорев, оставила после обжига пусть хрупкий, но вполне удобный сосуд, в котором можно варить еду.

Можно только догадываться, как изготовление глиняной посуды способом ленточной наделки было усовершенствовано переходом на гончарный круг, но это произошло, и довольно быстро, как обычно происходит с перспективными и нужными находками.

Поразительно, но уже в VII—VI тысячелетиях до н.э., т.е. 9 тысяч лет тому назад, задолго до цивилизации Древнего Египта, когда еще не было пирамид, на Ближнем Востоке, на территории Малой Азии существовала культура

Рис. 3. Средневековые изваяния Центральной Азии: 1–тюркское, 2–уйгурское (VI–X века)

искусной керамики, ткачества, домов, выстроенных из прямоугольного кирпича, с битумными полами, окраской стен в белый, красный, черный, серый, розовый цвета с сюжетно-орнаментальной росписью [111,89]. Люди носили простую, удобную одежду, украшали себя ювелирными изделиями: браслетами, ожерельями, кольцами, застежками. Можно предположить, что форма и элементная дифференциация одежды сословного расслоения, выделение элитного населения (военных, жрецов) ограничивались функциональной целесообразностью, климатическими и технологическими обстоятельствами.

Скорее всего, ассоциации социальной детерминированности вначале оперировали символикой аксессуаров, может быть, цветом.

У кочевых народов Центральной Азии — тюрков, уйгуров, монголов — большое значение придавалось поясам, искусности и богатству их исполнения, виду подвесок, включая оружие, походный инвентарь, футляры и кошельки разного назначения. Каменные «бабы», еще сохранившиеся кое-где в бескрайних степях Азии, имеют рельефные и прорезные изображения, где особенно внимательно проработаны черты пояса, причем тюркские «бабы» (это, конечно, изображения воинов) имеют пояса, увешанные оружием, более мирные уйгурские — просто пояс да еще чашу для милостыни в руках (рис. 3). Женщинам пояс не полагался.

Традиционная форма одежды всадника — халат с запахом; для средневекового воина он дополнялся стеганой курткой с полами, закрывавшими ноги. Защищался стеганкой с накладными металлическими пластинами и конь [225,215].

Социальный строй военной демократии кочевников не предполагал свободы выбора украшений, символика регламентировалась должностью человека в военной иерархии. В любом случае сюжеты орнаментов и специальных символических знаков не выходили за пределы геометризма и зооморфных ассоциаций: изображались птицы, олени, хищники, химерические существа.

Линейный и концентричный орнамент сравнительно рано был упорядочен основными закономерностями его геометрического построения — на основе **линейного переноса, зеркального отражения и концентричной компоновки** простых элементов, формальные истоки которых — в ритме растительных и зооморфных мотивов, в подражании вязаным веревочным узорам, штриховому узору на керамических сосудах вращения [127,100] (рис. 4).

Отдельным орнаментам придавалось сакральное значение: так называемому «молоточному», образующему рисунок меандра, волновому, хитроумно сплетенному узлу, **орнаменту «в резерве»**, силуэт которого давал возмож-

Рис. 4. Расписная керамика древнего Ирана. V тысячелетие до н.э.

ность выбора между собственно узором и фоном, взаимозаменяемыми в глазах наблюдателя.

Донца сосудов с переходом на плоскодонную керамику украшались солнечно-огненной символикой: окружностью с точкой в центре или знаком свастики, ассоциированным с прибором для добычи огня в виде вертикальной полочки с ручками вращения и колоды с углублением. Кстати, название свастики в свою очередь ассоциировано с именем бога Свайстикса у литовцев.

Перепасовка веревок, стягивающих покрытие юрты, образовала рисунок священного ромба, а простеганная волновым узором войлочная дверь символизировала, с одной стороны, благожелательное отношение к гостю, с другой — предостережение недоброму визитеру: пусть его зло утонет в волнах океана!

Украшения функционировали не только в качестве знаков субординации или особой персональной важности, но и как символы защиты, общие, кстати говоря, для обеих враждующих сторон. Понятно, что если враг не осведомлен об особых знаках покровительства на доспехах его противника, то его не смутят ассоциации амулетов бессмертия последнего и рука его не дрогнет.

Традиционные противники, разделенные общей границей, как правило, хорошо знали символы гениев — хранителей друг друга, равно как и расценивали в свою пользу (или наоборот) некоторые природные явления в качестве предзнаменований исхода битвы: затмение, появление трех солнц, угрожающие силуэты надвигающегося грозового облака, неожиданный град, огромная стая ворон, налет саранчи, наконец, плохой сон вождя.

Обостренное чувство тревоги перед битвой делало воинов особо восприимчивыми к концентрированным ассоциациям страха или надежды на победу. Для повышения боевого настроения использовали бой барабанов, ритм которых усиливал ритм биения сердца.

Сколько сведений сохранила история о несостоявшихся битвах, потому что у одной из сторон сдали нервы из-за воспринятой не в свою

пользу ассоциации! Много значил и исход поединка богатырей с обеих сторон.

3. ЗАЩИТА МЕСТА. МАГИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Особое внимание уделялось символической (не в ущерб, конечно, практической) защите жилого пространства.

Во-первых, играла роль сама диспозиция жилья. По ассоциациям иерархического смысла дома в древних поселениях, где уже угадывается социальная структура, жилища располагаются по кругу относительно центрального сооружения или участка — загона для скота, общего хранилища посевного материала, дома старейшин, а затем, по мере социальной стратификации поселенцев, и вождя.

Принцип: самое ценное — в защищенный центр — сложился естественно и с тех пор оставался главным. Не менее логично развивался процесс формирования дворцовых и культовых комплексов так называемых «восточных деспотий» и в феодальную эпоху [186,187]. Для восприятия объекта не просто защищенным, но неприступным и угрожающим своей мощью использовались средства, вызывающие ассоциации сильного эмоционального содержания: мегалитическая кладка стен, их высота, башни с недвусмысленными амбразурами и вынесенными вперед махикули, острые шпили и развевающиеся флаги, подчеркивающие воинственность, выразительный силуэт донжона. Расположение крепости на возвышении или на равнине, но с окружением рвом, заполненным водой или колючим буреломом, не должно было оставлять осядавшим никаких шансов на успех. Ощущение надежности, исходившее из самого образа крепости, замка, привлекало к ним окрестное население. Так сложилась формула образования средневекового города, заимствованная из опыта градостроительства древних монархий Азии, где цивилизация вначале шла более быстрыми темпами, нежели в покрытой густыми лесами и с неюжным влажным климатом Европе (*рис. 1, цв.*).

На азиатских равнинах, заливаемых паводковыми водами (ведь все катастрофические наводнения, потопа случились в Месопотамии и Китае), округлые в плане поселения, огражденные глиняной стеной, обмазанной битумом, относительно долго благоденствовали, только если они находились на **теллях**, платформах, не разрушаемых наводнениями. Обитатели плоских долин Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Янцзы и Хуанхэ, Меконга жили в мире ассоциаций, связанных с защитой от воды, регулированием водных ресурсов, строительством дамб, набережных, каналов, мостов, водоподъемников (для тысяч садов Семирамиды). Царские особы избражались либо с планами зданий на коленях, либо с наполненными землей корзинами на голове — ведь землеустроительные работы были государственным делом.

Что касается психологического комфорта, под которым в древности понималась военная защищенность, принципы его решения прозрачны и сейчас. Понятно, что царские дворцы располагались на возвышении — в условиях равнинного рельефа искусственных стереобатах. Таким был дворцовый комплекс Вавилона, поднятый на высоту 14 м над остальной застройкой, таким был дворец Саргона II в Хорсабаде на платформе вровень с высокими стенами, окружавшими город. Считалось, что царь как божественная персона не должен был спускаться на землю без особых причин (рис. 5).

Планировка дворцов носит явные следы беспокойного бытия монархов восточных деспотий и феодализма: лабиринтообразные планы, церемониальные залы с тайными карманами, где размещалась личная охрана царствующих особ, изолированный парадный двор, множество складских помещений тоннелеобразной формы, подчеркивающей их значение хранилищ-пеналов, и наконец величественный вход, охраняемый мифическими существами — стражами-быками (или львами) с головами бородатых воинов.

Персеполь (основанный, по Е.П. Блаватской, в 5000 г. до н.э. [19,415]), начатый за-

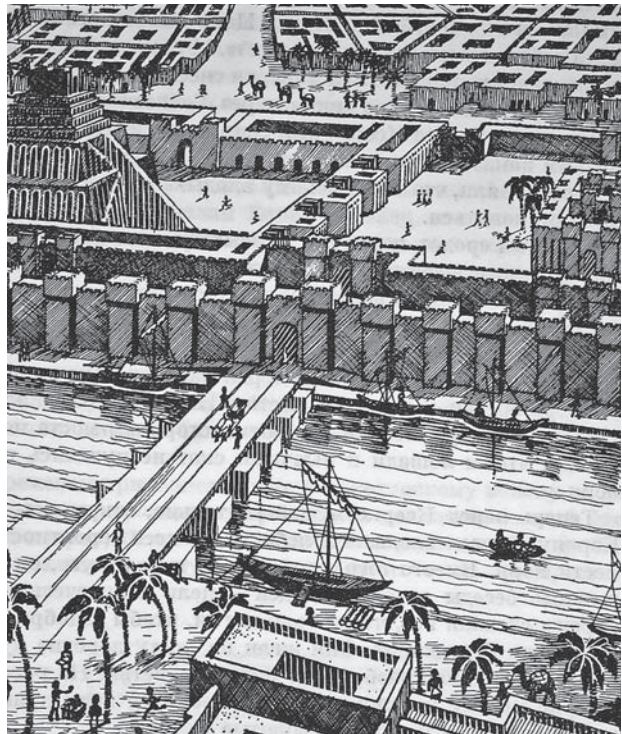

Рис. 5. Реконструкция общего вида древнего Вавилона

страиваться как резиденция персидских царей с VI в. до н.э. Дарием I, имел древнее название Истахар — «город Солнца» (посвященный богине Иштар–Астарте–Эсте), связанное с огнем, солнцем, яркой Венерой, переведенное древними греками как «Город огня».

Древние историки отмечают в целом, что огнепоклонничество, или, скорее, почитание огня, было в древние времена повсеместным. Огонь и вода, как учит оккультная наука — это две стихии, где сконцентрированы собственно активная и пассивная созидательные силы Вселенной. Гиппократ заметил: «Отец-огонь дает жизнь всем вещам, а Мать-вода вскармливает их» [19,447].

Неудивительно, что базовыми культовыми категориями в религиях зороастрийцев, египтян, китайцев, сибирских народов были солнце, огонь.

Построенный как резиденция для праздников подношения подарков хшати (царю) со всех концов империи, Персеполь отобразил в архитектуре культурную символику кочевого образа жизни персов. Мраморные колонны

ападан были украшены сложными капителями, увенчанными **протомами** быков, будто идущими попарно в упряжи (рис. 6).

Изображения domesticированных животных вообще присущи художественной образности искусства кочевых народов. Да и сами ападаны напоминали обширные светлые навесы, имитировавшие походные шатры. Изображения хищников вписываются в символические контексты охотничьего или воинственного содержания.

Отметим кстати, что подвижный образ жизни ограничивал кочевников объемом перевозимого имущества самыми необходимыми хозяйственными принадлежностями, которые приобретали поэтому универсальное назначение: сундучок мог быть хранилищем вещей, подставкой под религиозную утварь, сиденьем и т.п. Поэтому у кочевников более развит ментальный аппарат ассоциативных связей, более гибкая форма адаптивного мышления, бытовой находчивости.

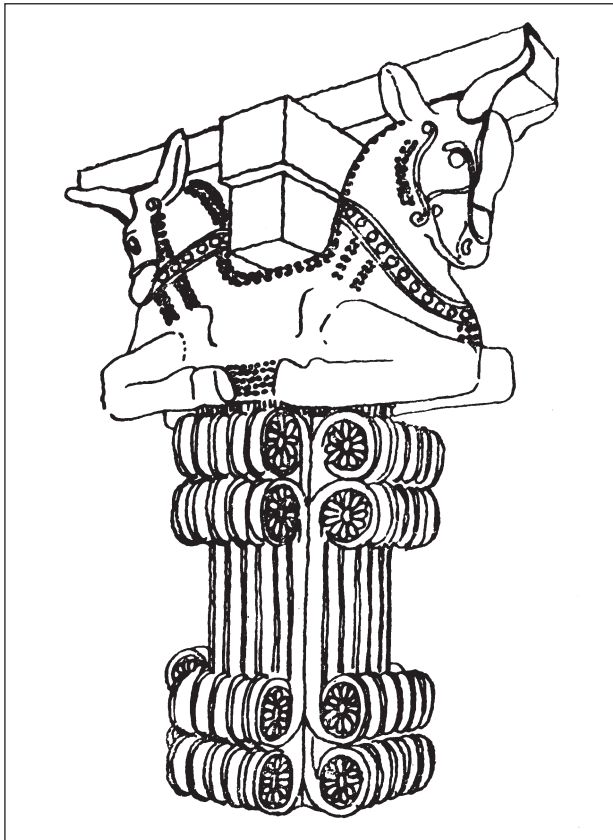

Рис. 6. Сложная капитель колонны ападаны в Персеполе. VI век. до н.э.

Достаточно упомянуть, что монгольский шофер, оказавшийся один в беспредельной степи, успешно ремонтирует испорченную деталь буквально на каблуке и двигается дальше. Для сверления отверстий в планках, составляющих решетчатый каркас сборных стенок юрты, устраивают примитивное, но безукоризненно работающее приспособление — сверильный станок (см. рис. 2).

Вид комка свалявшейся шерсти навел на идею валяния войлока в условиях степи с технологией предельно простой, но требующей точной последовательности операций.

Наблюдательность вместе с локальными обстоятельствами привела в практику отопления юрт — сооружений быстростгораемых — использование аргала, сухого помета степных животных, который не дает искр и, следовательно, пожаробезопасен. Для приготовления бодока — мяса, тушеного в зашитой шкуре — внутрь ее забрасывают несколько раскаленных камней. Разогретые камни от прогоревшего костра у края палатки (майхана) прикрывают на ночь её полами, откинутыми днем, и некоторое время в закрытом пространстве сохраняется тепло.

Сама юрта имеет изменяемый силуэт — от широкого пониженного зимнего до вытянутого вверх летнего (для лучшей вентиляции). Её решетчатые стены могут оставаться в летний зной открытыми.

В походном варианте можно быстро поставить шатер только из жердей покрытия. Универсальность кочевого оснащения быта удивительна.

Для контраста: на приемах в аристократических домах-замках Европы перед каждым гостем выкладывают десяток столовых приборов — это при том, что в средневековье в этих же замках с едой управлялись просто руками. Универсальность эта простирается до аналогов выкройки покроя юрты и традиционного верхнего халата — **дэли**. Сама среда обитания и сложившиеся традиции жизни способствуют развитию ассоциативного мышления, повышающего адаптивные возможности человека, его

творческой фантазии. Здесь мы впервые, пока между прочим, отметим креативную функцию ассоциаций, настроенных на принцип «многое в едином».

Ассоциативные способности человека, живущего в оседлом цивилизованном мире, тоже не приглушены обилием вещей «каждая для своих целей», но они имеют другое направление — оценку потребительской новизны, отчасти эксплуатирующей атавизм детской психологии: «хочу новую игрушку»!

Хрупкий мир кочевников, ненадежность оболочки из ткани, войлока на жердевом каркасе заставляли часть забот по защите жилища перекладывать на символику, магическую поддержку духов — покровителей (онгонов), очистительные ритуалы. Лесной сибирский народ селькупы, сгинувший в истории, защищался от внешней напасти рисованием на дверях шатров глаз — стражей; кочевники украшали полог палаток охранным иероглифом, а перепасовка веревок, затягивающих войлочную и тканевую оболочку юрты рисунком в виде упомянутого ромба, сама по себе была защитным знаком.

В обрядовом смысле нельзя было напрямую войти в юрту. Следовало сначала обойти жилище посолонь (чтобы к тому же дать знать хозяевам, что прибыл гость — ведь в юрте нет окон) и уже затем, пригнув голову (дверь низкая) и, боже упаси, не наступая на порог, можно шагнуть в пропахшее дымом и топленым молоком пространство, едва освещенное верхним отверстием.

Веревки, которыми натягивается на ночь покрытие отверстия, закрепляются на жердях купола так, чтобы образовался рисунок, похожий на бараний желудок — это к благополучию в доме.

Точно так же засаленная одежда (о которую вытирают руки после сытного обеда) свидетельствует о достатке человека. Самая прочная часть юрты — рама двери — ассоциируется с разнообразными символами, магически усиливающими ее надежность.

Стена юрты, ее тонкая оболочка мыслится как единственная преграда между уютом

жилища и беспредельным космическим пространством. Нигде как в степи не воспринимается так остро сакральность этого чувства, понятого Р. Вентури, высказавшегося по этому поводу примерно так: «Архитектура возникает на границе встречи внутренних и внешних сил, функциональных и пространственных. Архитектура, то есть перепонка между внутренним и внешним, становится пространственной записью этой драмы и ее разрешения» [9,80].

Дверь, проход акцентируют «эту драму» перехода и становятся объектом особого ритуала пересечения границы.

В древних, или точнее, оставшихся в стороне от развития цивилизации обществах **обряды перехода** понимаются не только как пространственное перемещение, но и преобразование статуса, переход из одного состояния природы (и человека вместе с ней) в другое, обряд инициации.

Во всех сценариях обрядов основная интрига сюжета разрабатывается на смысловых связях, закрепленных ассоциациями, оперирующими защитной (прежде всего) символикой. И, если формы пространственных решений достаточно просты: оформляется лишь факт пересечения границы (охранные знаки, ритуальные условности — обойти дом, постучать в дверь, не наступить на порог, потрогать прибитую над дверью подкову и произнести заклинания и т.д.), — то в последующем процедура доступа разворачивается, удлиняется в пространстве, усложняется в процедурах, резервируя как бы несколько защитных средств.

Развертка процесса доступа играла важную роль некой игры (в современном понимании обрядов), подчеркивающей значимость персоны, к которой получено право доступа. Придуманные еще в эпоху восточных деспотий, церемониальные игры приемов значительно усложнились в феодальную эпоху, да и в наше время сохранились в театрализованных дворцовых приемах в уцелевших королевствах.

Многие первобытные защитно-очистительные обряды при входе преобразовались

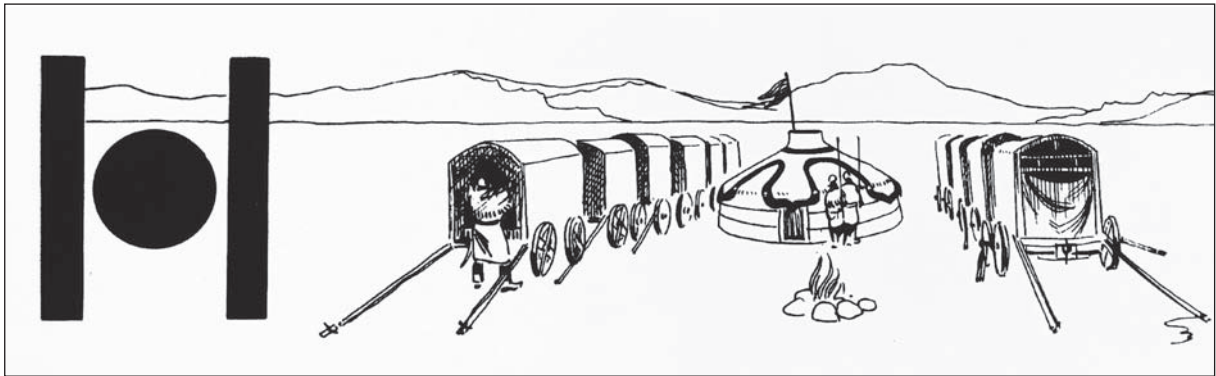

Рис. 7. Походный лагерь знатного монгола (XIII век) и прототип знака соёмбо

в религиозные ритуалы и подкрепились соответствующими пространственными атрибутами; например, обряд обхода жилища преобразовался в прадакшину буддийских храмов с кольцевым обходом целлы, праздник перехода к весне — Пасха — сопровождался церемонией, имитирующей прибытие Иисуса в Иерусалим.

На приемах кочевыми ханами послов устраивалась аллея из костров, которую гости должны были пройти в виде процедуры «очищения».

Существовали и другие приемы «люстрации», например, лишенная всякого мистицизма схема планировки охраняемой походной ставки киданьского императора (X—XI вв., Северный Китай) [186,98]. Сложные обряды устраивали при рождении ребенка — ведь он действительно входил в новый мир! В некоторых примитивных обществах при посвящении нового колдуна, шамана кандидат должен был пройти обряд, по смыслу которого он должен вначале «умереть» и лишь после этого возродиться в новом, сакральном облике. Камлания шамана и впадение его в экстаз также ассоциировались с ментальным путешествием в мир мертвых, где он получал нужную для племени информацию.

Пришелец, даже нежелательный, если дотронулся до растяжек шатра араба, становится протее хозяина. Степные вельможи, чтобы уклониться от выполнения такого обязательства, ставили свои шатры без растяжек. Знаком нежелательности вторжения чужих и условной автономности на кочевых стоянках

служили ограждения из повозок, фланкирующих жилой объект (юрту, шатер) с двух сторон параллельными рядами. Архетип такой защищенности, выраженной подобной мизансценой, вошел в знак **соёмбо** на гербе Монголии (рис. 7). Знаки откровенного отталкивания практически не использовали из соображений осторожной этики, достаточно было намеков предупреждения, демонстрации силы и высокого социального ранга. Годились размеры обиталища, его цвет, наличие шестов с флагами и бунчуками. Походный шатер тюркского кагана в VII в. имел завершение в виде чалмы и вообще был похож на голову в тюрбане. Помните, с кем сражался герой пушкинской поэмы «Руслан и Людмила»? (рис. 8).

Важным индикатором регламента встречи пришельца были и первые произнесенные им слова: «Мир вашему дому!», «Да снизойдет благодать на обитателей этого дома!» Важен и ответ, проясняющий шансы путника на приют.

«Салам!», сказанное арабом встречному, означает, что тот стал его подзащитным. И мусульманин ищет повод, чтобы не сказать салам «неверному» [40,35].

Возможны и лукавые иносказания. М.Д. Каратеев в статье «Коран» [114,195] указывает на нюансы мусульманских «приветствий»: «ас-салам-алеик» — я тебя приветствую, и «ас-силям-алеик» — чтоб тебя камнями побили!

А. ван Геннеп, французский этнограф, посвятил обрядам перехода специальную работу,

где уделяет внимание пространственной и стадийной развертке переходов в три этапа:

- прелиминарный — выход из прежнего мира;
- лиминарный — процесс перехода;
- постлиминарный — включение в новый мир [40,24].

Предметный антураж актуализирован в собственно фазе перехода **маргинальной** зоны, которая либо ограждается от предшествующего и последующего обрядов знаками запрета (кол, череп, затесанное бревно, портик, резной идол, изгородь, вал), либо насыщается предметными знаками, имеющими вид пересекаемой оболочки; это арка, дверь в стене, проходной храм (вроде храма с махранзами — стражами четырех стран света в буддийских монастырях) или системы сакральных объек-

тов, последовательно «очищающих» посетителя от дурных намерений: огненные аллеи, галереи сфинксов, оводов или **балбалов** (вертикально поставленных камней, условно обозначающих людей), курильницы, фигуры львов (арсланов), мифических собак, быков с головой стражников и т.п.

4. СИМВОЛИКА СВЯЗИ С ПОТУСТОРОННИМ

Идеи перехода в явном или скрытом виде реализованы в церковных обрядах. В христианской церкви акцент сделан на прелиминарном и постлиминарном этапах. Подготовительная фаза пространственно локализуется в виде пронаоса, нартекса, вестибюля — для расположения профанов, а процедура перехода в веру, «крещение», осуществляется в крещальнях, баптистериях.

Церковь берет на себя и обязанности провоза адепта в мир иной. Постлиминарная фаза перехода может быть отождествлена с пребыванием в монастыре, организационные формы которого во многом ведут свое начало от самых первых представлений, заложивших основы религиозного мышления.

Не углубляясь в предпосылки и историю развития религиозного сознания (это уже сделано другими авторами), отметим для себя наличие двух областей приложения культовых ритуалов.

1. Анимизированные духи-покровители, демоны, специализированные по магическим функциям фантастические невидимые существа, сопровождающие живого человека.

2. Мир мертвых, который вначале представлялся эквивалентным миру обитания живых. Отсутствие подтверждений со стороны покойников о такой аналогии приводит к тому, что загробное «существование» приобретает в сознании живых все более таинственные, мистические, устрашающие черты, возбуждающие ассоциативное мышление, создавшее тот круг вымышленных, обязывающих, фантастических обстоятельств, разделивших, в конце-концов, два мира, но и соединивших

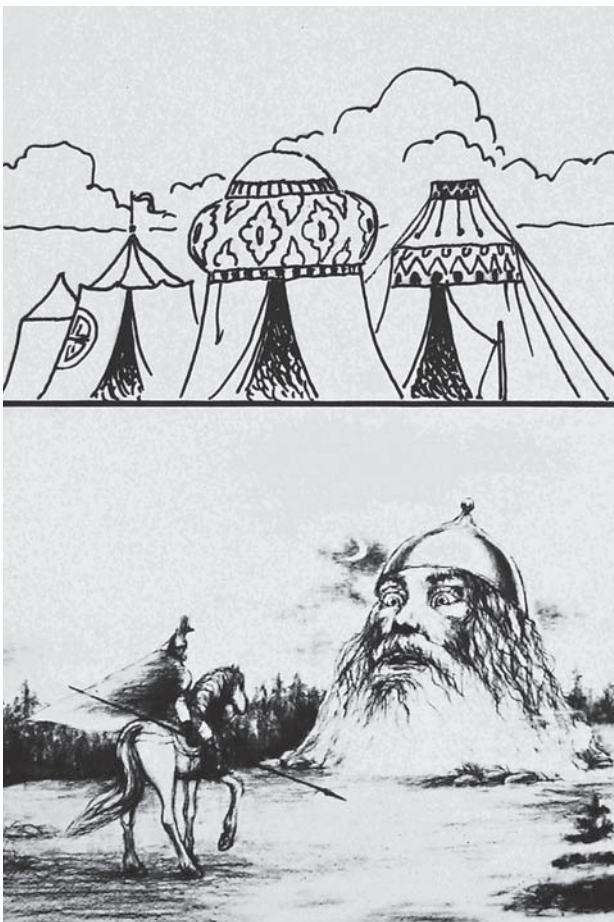

Рис. 8. Форма тюркских шатров как прообраз пушкинского сюжета встречи Руслана с говорящей головой